

Цзун Ци провалился в глубокий сон, не обращая внимания на шум вокруг.

В десятиюаневой гостинице кондиционера не водилось, но потолочный вентилятор создавал приятную прохладу.

Спал он крепко.

Около полуночи с потолка начал сочиться холодный воздух. Вентилятор разносил его по комнате, создавая удивительно комфортную атмосферу.

А вот наверху царил хаос.

Сначала грохот падающих предметов, затем торопливые шаги, потом надрывный кашель и глухие удары.

Шум не стихал до рассвета.

Когда небо начало светлеть, возня наверху внезапно прекратилась, а затем возобновилась с удвоенной силой.

Грохот прокатился от дальнего конца третьего этажа к ближнему, сотрясая стены и не давая покоя.

Цзун Ци спал как убитый, когда в дверь яростно заколотили.

Шум сверху его не беспокоил, но такой стук — уже перебор.

Он сел на кровати с закрытыми глазами, щурясь, глянул на время, прошлёпал к двери в тапочках и заглянул в глазок.

— Открывай быстрее!

За дверью стоял Ци Нинчжоу.

Без персикового меча, без компаса, просто в даосском одеянии. Половина лица тонула в сгустившейся темноте коридора. Нервно барабанил в дверь — ни следа прежней холодности.

Цзун Ци зевнул, потянувшись к замку.

— Чего шумишь? Ночь на дворе, темень кромешная.

Услышав щелчок замка, "Ци Нинчжоу" внутренне возликовал. С трудом поддерживаемая иллюзия человеческого облика начала распадаться — по скрытой во мраке половине лица поползли трещины, сочась чёрной кровью.

Схватка с даосом истощила злобную энергию, копившуюся годами в стенах гостиницы. Требовалось срочное подкрепление.

А что может быть питательнее крови и жизненной силы живого человека? Особенно такого — нежного, источающего дразнящий аромат, явно вкусного. Даже на третьем этаже этот запах сводил с ума.

В момент, когда Цзун Ци отодвигал дверную цепочку, с дальнего конца коридора раздался крик:

— Не открывай! Это не человек!

Поздно.

Дверь распахнулась.

Одновременно с этим показатель испуга внезапно подскочил на 50 пунктов.

Ци Нинчжоу, задержанный призрачной стеной, стоял у лестницы. Даосское одеяние пропиталось едкой чёрной кровью, на персиковом мече болтались обрывки талисманов — жалкое зрелище.

Он не солгал Цзун Ци.

Талисманов действительно было мало — бумага для изгоняющих печатей стоила дорого, бедному даосу приходилось экономить.

Но призрак, напитанный злобой и усиленный удачным расположением места, почти достиг уровня лютого духа. Ци Нинчжоу едва справлялся.

Недавний выпускник школы даосов, неопытный в житейских и духовных делах, он попал впросак.

Сквозь дар духовидения он беспомощно наблюдал, как гниющая призрачная рука с чёрным сиянием тянется к зевающему юноше, сопровождаемая жутким хихиканьем.

В следующий миг коридор огласил пронзительный вопль.

— А-а-а-а-а-а-а-а!

Чёрный туман у двери забурлил, гниющая плоть словно соприкоснулась с раскалённым железом. Сначала закапал жёлтый гной, затем масса заметалась в воздухе. За долю секунды, под аккомпанемент жутких воплей, зловещая аура сжалась втрое.

Что происходит?!

Ци Нинчжоу вытаращил глаза, на мгновение утратив самообладание.

Как профессионал он прекрасно понимал — призрака насильственно очищают.

К счастью, реакция не подвела. Увидев, как сочащаяся гноем тьма метнулась к нему, он вскинул персиковый меч и забормотал заклинание:

— Пять звёзд сияют, озаряя тьму. Тысячи богов и святых защищают мой дух. Небесные звери укрощают пять видов оружия. Пять демонов теряют форму и гибнут. Где бы ни был я, десять тысяч богов следуют за мной.

— Повинуйтесь немедленно!

Заклинание окутало меч мерцающим ореолом, видимым только просветлённым. Резкий выпад рассёк метнувшегося призрака надвое.

Гниющее лицо исказилось в агонии, разрубленная глотка не издала ни звука. С последним проблеском злобы призрак рассеялся пеплом.

Коридор словно посветлел, освободившись от гнетущей стужи.

От внезапного крика сон как рукой сняло.

Цзун Ци опустил руку, которой прикрывал зевок, и растерянно уставился в пустой дверной проём, явно не понимая происходящего.

Неудивительно.

Ци Нинчжоу видел отчётливо — едва призрачные когти приблизились к юноше, даже не успев показать отвратительное лицо, нечто словно расплавил их. Сила духа настолько ослабла, что простого заклинания с неумелым ударом хватило для уничтожения.

Невероятно!

— Что сейчас произошло?

Цзун Ци нарушил тишину коридора:

— Как ты умудрился телепортироваться от меня к лестнице? Тоже даосская техника?

Ци Нинчжоу: ""

Его шок, недоверие и подозрительность застыли на полуслове.

— У твоей двери был не я.

Даос сухо произнёс:

— Это призрак с третьего этажа.

— Призрак?

Теперь уже Цзун Ци уставился на него:

— Но в глазок я видел тебя.

— Обман зрения.

Даос спокойно пояснил:

— Обычно призраков видят только просветлённые, но сильные духи могут ненадолго принимать чужой облик.

Убедившись в отсутствии остаточной злобной энергии, Ци Нинчжоу опустил меч и устало шагнул вперёд.

Он действительно переоценил себя. Без помощи черноволосого юноши ночь закончилась бы плачевно.

Цзун Ци протянул задумчивое "О-о", подпирая подбородок:

— Так вот что такое призрак. Не особо страшный. Даже не приблизился — сбежал. Может, стеснительный?

К словам даоса он относился скептически — без дара духовидения увидел лишь взмах мечом, бормотание и пустоту.

Едва не лишившийся половины сил Ци Нинчжоу: "....."

Сложные чувства переполняли его.

Наконец даос робко спросил:

— Как ты это сделал?

Даже его учитель не мог изгонять духов без заклинаний или талисманов.

А этот юноша, ничего не делая, ослабил призрака вдвое — неслыханно! Сильнее просветлённых монахов, чьи мощи становятся реликвиями.

Такое Ци Нинчжоу встречал только в древних текстах.

Врождённая божественная защита праведников, перерождения небожителей, благословенные Небом императоры — пассивная способность великих личностей.

Его взгляд на Цзун Ци изменился.

Неужели?..

Черноволосый юноша почесал затылок:

— Может, у меня сильная янская энергия? Я родился пятого числа пятого лунного месяца — день максимума ян. Гадатели советовали чаще принимать холодный душ.

Так вот оно что!

Ци Нинчжоу просиял, отбросив сомнения.

Он всё искал тайные техники совершенствования, упустив простейшее объяснение.

Воистину неопытен, нужно ещё учиться и учиться.

Мысленно отругав себя, он придвинулся ближе, молча просчитывая что-то на пальцах. Его лицо выражало всё больше удивления.

— Действительно, крайне янская судьба.

В его школе многие ритуалы проводились в день Двойной пятёрки — пик янской энергии. Объяснение Цзун Ци звучало логично.

А рождение в полночь, в самый иньский час, объясняло особую притягательность для духов.

Хотя притягательность странная. Если не перерождение великой личности, может, связь с нарушением баланса инь-ян в мире?

— Постой, я понял!

Когда сонливость снова накатила на Цзун Ци, и он собрался прощаться, даос просиял:

— Твоя изначальная ян ещё не растрочена?

Цзун Ци: "?"

Он засомневался — то ли у него грязные мысли, то ли даос имеет в виду именно это.

Считая его своим спасителем, Ци Нинчжоу утратил вчерашнюю чопорность и разговорился:

— Читал "Путешествие на Запад"?

Цзун Ци кивнул.

Естественно — один из четырёх классических романов, обязательное чтение.

— Танский монах — перерождение Золотого Цикады, второго ученика Будды. К моменту десятого перерождения в монаха Сюаньцзана он накопил огромную благодать, сохранив изначальную ян десяти жизней. Поэтому все демоны жаждали его съесть.

Ци Нинчжоу продолжил:

— У тебя тоже сохранена изначальная ян, потому духи так тянутся.

— Понятно.

Видя серьёзность примера, Цзун Ци решил, что напрасно подумал о пошлом:

— Но, мастер Ци, что конкретно означает изначальная ян?

Даос невозмутимо пояснил:

— Изначальная ян — это мужская жизненная эссенция.

Цзун Ци: "....."

Не замечая его смущения, Ци Нинчжоу продолжал:

— Твоя янская энергия необычайно сильна, отсюда моя догадка. Обычно сохранение изначальноной ян не ограничивается воздержанием от соития, даже самоудов...

— Стоп!

Черноволосый юноша не выдержал лекции, заслужив недоумённый взгляд.

— Мастер изучал западный оккультизм?

Ци Нинчжоу честно помотал головой:

— Нет.

— Тогда открою секрет.

Цзун Ци с каменным лицом произнёс:

— Тридцать лет сохранения изначальноной ян превращают в мага.

Захлопнув дверь, он оставил растерянного даоса таращиться на косяк, недоумевая, почему дружеская беседа внезапно оборвалась.

Впрочем...

Ци Нинчжоу задумчиво уставился на персиковый меч.

Если слова юного друга правдивы, через пять лет он станет магом?

Впрочем, как даос он не мог сменить профессию — учитель живьём закопает.

Эта мысль вызвала лёгкую грусть.jpg

<http://bllate.org/book/13369/1189262>